

Герои и действительность

(«Палата № 6» А.Л. Чехова)

Афанасьев Э.С.

В хрестоматийной чеховской «Палате № 6» оценочные акценты расставлены ее исследователями как-то не по-чеховски жестко. Действительность здесь однозначно и угрожающе беспросветна, а герой повести доктор Рагин перед этой действительностью капитулирует. Мрачная действительность! Мрачная вещь!

Уж не капитулировал ли перед действительностью и сам автор повести? Ведь вот какое впечатление должно сложиться у читателя, по мнению МЛ. Громова, после знакомства с провинциальным «чеховским» городом: «Жизнь в городе рождает душевный конфликт: чувство личной вины, мучение совести или повседневное, перерастающее в душевную болезнь ощущение страха соединяются с «мучительной, страстной жадой жизни», и это приводит к суду над городом, к окончательному приговору: «Город мертвый, люди в нем мертвые...».

Уравновешен ли такой приговор гуманистическим пафосом речей Громова, к чему сводится традиционное прочтение этой повести Чехова учеными? Ведь обычно никак не комментируется странная, в духе Чехова, ситуация повести: душевнобольной уличает доктора в непоследовательности мыслей, более того, учит здравому пониманию жизни, причем не без успеха!

В.Б. Катаев усмотрел в предпочтении учеными одного героя повести другому несоответствие принципу «равнораспределенности конфликта» у Чехова и обнаружил между Рагиным и Громовым «поразительное сходство». Так, «оба героя разбиты, раздавлены грубой жизнью... Оба бессильны в этом неравном поединке... Оба могут противопоставить враждебным им силам только слово, только упование на будущее...». И «объективный вывод из истории двух героев... кем бы ни был каждый из них, какие бы философские принципы ни взял себе в руководство каждый из этих людей... она (т.е. действительность. – ЭЛ.) неминуемо загонит его в тюрьму, на каторгу, в сумасшедший дом, бросит под кулаки Никиты».

Вывод опять-таки безотрадный. Но неужели «слово», «принципы», если понимать под ними жизненную позицию героя, значат так мало в художественном мире Чехова? Быть может, проблема повести в ином – имеется ли у ее героев жизнеспособная позиция?

В.И. Камянов полагает, что имеется, по крайней мере у одного из героев повести, Громова: «По ходу споров между центральными персонажами прорезывается более конкретное значение слова жизнь (курсив наш. – ЭЛ.): в глазах одного из спорщиков она – хитрая ловушка, по убеждению другого – счастливый дар; «строить», «складывать» жизнь – это норма, рабски покорствоваться ходу вещей – аномалия. Таково заветное убеждение Громова».

Убеждение – да, только вот «жизнестроитель» Громов никудышный. Главное, ресурс жизнелюбия, человеколюбия у Громова очень скуден. Вот что сообщает о нем автор повести: «Его всегда тянуло к людям, но, благодаря раздражительному характеру и мнительности, он ни с кем близко не сходил и друзей не имел... О женщинах и любви говорил страстно, с восторгом, но ни разу не был влюблен». В училище он «не сошелся с товарищами, не понравился ученикам и скоро бросил место». «В своих суждениях о людях он клал густые краски, только белую и черную, не признавал никаких оттенков; человечество делилось у него на честных и подлецов; середины же не было».

Нам неизвестно, однако, кого Громов считал честным, порядочным человеком, за исключением товарищей по несчастью. «О горожанам он всегда отзывался с презрением...». Рагина, фельдшера и других служащих больницы называл «больничной сволочью». С кем сумел бы Громов ужиться и какой жизни желал бы он себе? – «Когда я мечтаю, меня посещают призраки. Ко мне приходят какие-то люди, я слышу их голоса, музыку, и кажется мне, что я гуляю по каким-то лесам, по берегу моря, и мне страстно хочется суеты, заботы».

Кто же из героев повести большой отшельник и мечтатель, Рагин или Громов? В.Б. Катаев прав – оба они своей нежизнеспособностью похожи друг на друга, как близнецы. Оба героя чеховской повести «огорошены» действительностью, оба они относятся к ней с антипатией и высокомерием, в сущности преувеличивая свои достоинства. Оба героя говорят о жителях города, об отсутствии у них культурных интересов расхожими словами, в том же духе, что и сами жители.

«Даже интеллигенция не возвышается над пошлостью, – жалуется Рагин, – уровень ее развития... нисколько не выше, чем у низшего сословия». «Эх! – вздыхает Михаил Аверьяныч. – Захотели от нынешних ума!» А вот голос «общественности»: «Все заговорили о том, как скучно порядочному человеку жить в этом городе». И сама эта нелюбовь к городу уравнивает всю «интеллигенцию»:

«Однако в какую глушь занесла нас судьба!» – вздыхает почтмейстер.

«Несчастный город!» – восклицает доктор.

«Да, несчастный город» – вторит ему бывший судебный пристав.

Так герои повести окружают себя «зоной отчуждения».

У Чехова любые жизненные ситуации «замкнуты» не на универсальные жизненные ценности, испытующие личностный потенциал героя, как это присуще русскому классическому роману, а на практику человеческих отношений, на способность героя к совместимости с себе подобными. На эту центральную ситуацию проецируются все частные ситуации произведения.

Оба героя подходят к жизни умозрительно. «Когда мыслящий человек достигает возмужалости и приходит зрелое сознание, то он невольно чувствует себя как бы в ловушке, из которой нет выхода. В самом деле, против его воли вызван он какими-то случайностями из небытия... Зачем? Хочет он узнать смысл и цель своего существования, ему не говорят или же говорят нелепости; он стучится – ему не открывают».

И Громову представляется, что у жизни нет ни логики, ни справедливости. Почему нравственно ничтожные люди разгуливают на свободе, в то время как он сидит в палате № 6? И если Громов наивно полагает, что в его положении виноват доктор Рагин или сторож Никита, то Рагин столь же наивно ищет откровений относительно смысла собственного существования в книгах, шарахаясь от реальной жизни.

Каждый из героев повести творит в своем воображении мечтательный мир, сообразный со своей натурой, по многим параметрам несовместимый с миром реальным. Нервный, импульсивный Громов от этой несовместимости впадает в психическое расстройство; флегматичный, но робкий, пугливый Громов находит удовлетворение в «умственных наслаждениях» (водка и огурцы на столе Рагина – аксессуар застольной «интеллигентной» болтовни, хотя бы и в одиночестве). Недостает Ратину собеседника (Михаил Аверьяныч – только слушатель), и потому Громов для него – сущая находка. Теперь каждый из героев в своей стихии: Громов возмущается и обличает, Рагин наслаждается беседой с умным человеком. Диалоги между героями в еще большей мере выявляют сущность их сходства.

Спектр отношений между героями повести разнообразен, но, к сожалению, отсутствуют между ними отношения подлинной человечности, интерес друг к другу, соучастие в судьбе собеседника. Вступают герои в философский диспут (при этом обнаруживая, что в философии они самозванцы), а «зона отчуждения» между ними разрастается.

– Мы никогда не споемся и обратить меня в свою веру вам не удастся, – говорил Иван Дмитриевич с раздражением... – Я считаю себя выше вас и компетентнее во всех отношениях. Не вам учить меня.

– Я совершенно не имею претензии обращать вас в свою веру... Вы умный человек, и я наслаждаюсь вами».

Громов всегда готов во имя справедливости обрушиться с обличениями на каждого, кто не сидит с ним в палате № 6; миролюбивый Рагин предпочитает держаться от людей на порядочном расстоянии, мягко упрекая их за неспособность к «умственным наслаждениям». У каждого свой «футляр», и эти «футляры» мешают им найти путь друг к другу.

Оба героя страдают не от действительности, а прежде всего от одиночества, и каждый из них это одиночество в себе лелеет.

«Истинное счастье невозможно без одиночества. Падший ангел изменил богу, вероятно, потому, что захотел одиночества, которого не знают ангелы». Мудрая, чеховская мысль! Она приходит в голову Рагину во время путешествия, когда Михаил Аверьяныч, его друг, допек Рагина своим присутствием и разговорами. Какое странное, однако, применение находят чеховские герои мудрым мыслям! Во все время путешествия Рагин старался уединиться на диване, лицом к стене, ожидая наплыва мудрых мыслей. И понапрасну – действительность донимала.

И Громов жаждет одиночества; когда Рагин приходил в палату, «он просил оставить его в покое, так как ему давно уже надоела болтовня, и говорил, что у проклятых подлых людей он за все страдания просит только одной награды – одиночного заключения».

Громов и Рагин в равной мере пленники амбициозного, высокомерного отношения к действительности, т.е. к людям, и в то же время жертвы самоубийственного бегства от людей в мир иллюзий. Кого им, собственно, винить в жалкой и скорбной своей участи? «Общественность», подозрительную к тем, кто своим поведением не соответствует ее представлениям о «норме»? Столь же наивное ее стремление наставить человека на путь истинный? Формализм человеческих отношений? Но не присущи ли все эти качества и самим героям повести, не способным к терпеливому распутыванию узлов жизненных противоречий?

Горестный финал жизни Рагина – напоминание писателя об истинно страждущих тем, с кем жизнь обошлась милостиво и не обрекла на бесконечные унижения и страдания. Эта мысль постоянно присутствует в прозе и драматургии Чехова.

«Мелочные мысли», недостойные, по убеждению Рагина, «мыслящего человека», все больше нарушавшие душевное равновесие героя, были только поверхностью той пучины, которая разверзлась под ним, полностью парализовав его жизнеспособность. «Мне все равно», – повторяет Рагин, безучастный ко всему и ко всем на свете, в том числе и к себе самому, и эта безучастность стала последним при жизни «футляром» героя. Рагин обрел-таки полное и нерушимое одиночество: «Пришли мужики, взяли его за руки и за ноги и отнесли в часовню. Там он лежал на столе с открытыми глазами, и луна ночью освещала его».

Да, жизнь человека – это «счастливый дар». Но почему же человек так плохо им распоряжается, отдаляется от него, сходит с ума? Кто здесь виноват – человек или действительность?